
ВОЙНА КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА

Источники вызовов и военных угроз после Второй мировой войны

Итоги Великой Отечественной войны и всей Второй мировой, в принципе, не изменили мирно-военный ход истории. Победители не использовали шанс создать систему движения общественной истории по мирному руслу. Возглавляющие США, Великобританию и СССР политики оказались не способными начать решение этой судьбоносной для народов и человечества задачи. Они не смогли отказаться от идей мессианства и господства, навязывания народам и всему человечеству своих представлений о свободе, демократии, социальном равенстве и других нормах и принципах устройства социальной жизни. При этом не учитывалось, что все это должно быть проверено и воспринято народами только в условиях длительного и стабильного мира, а не общественно-политической и тем более военной конфронтации. Государства-победители предпочли силовое навязывание своих подходов длительному и сложному согласованию национальных и общечеловеческих интересов. Результаты войны не были ими использованы для сворачивания причин и поводов подготовки к новым войнам, для табуирования войны во внутренней и внешней политике государств. Проблему неотложности перехода народов к невоенным цивилизациям политика перед ними даже не поставила, хотя война показала, к каким результатам для народов и человечества ведет ее дальнейшее развитие.

За годы войны произошел не сдвиг, а большой скачок в развитии средств и методов ведения военной борьбы, ее существенное расширение как межобщественного противоборства не только за счет применения массы нового, более мощного убойно-разрушительного оружия, но и за счет средств и методов информационной и организационной борьбы. Политики бывших союзников по войне с фашизмом и милитаризмом оказались не способными и не желающими решать геополитические и политико-идеологические проблемы, одновременно укрепляя мир и взаимовыгодное сотрудничество. В условиях войны в интересах победы над общим врагом они шли на компромиссы, обеспечивали единство действий, а в условиях завоеванного мира не проявили такой же настойчивости в его сохранении и укреплении. От политико-идеологической конфронтации государства, не успев разоружиться и перейти на мирную организацию общественной и государственной жизни, под благовидным предлогом переключились на использование результатов развития войны для укрепления национальной военной безопасности¹. Произошло традиционное для мирно-военного хода истории использование результатов завершившейся войны для подготовки новой.

Начался невиданно быстрый рост убойно-разрушительного, дезориентирующего, дезорганизирующего и деградирующего народы потенциала войны под предлогом создания системы

национальной безопасности на принципах устрашения и сдерживания вероятного противника. В политику вводилась ложная посылка: чем больше и страшнее у государства потенциал войны, тем меньшую опасность война для него представляет. В условиях сложившейся после Второй мировой войны ситуации самый большой военный потенциал оказался у США как государства, владеющего монополией на ядерное оружие и обладающего самыми большими финансово-экономическими ресурсами, развитыми информационными и организационными технологиями. При этом США заверяли мировое сообщество, что свой потенциал войны они используют только в оборонительных целях. Но история многократно свидетельствовала, что политика использования государствами своей военной мощи переменчива — будучи оборонительной, она в одночасье становится агрессивно-наступательной.

В результате США объективно явились инициатором быстрого послевоенного роста уровня и масштабов потенциала войны, величины ее показателей как угрозы национальной безопасности для других стран, хотя после войны этому государству никто не мог реально угрожать применением военной силы по причине его географического положения и военно-силового превосходства. Дело в претензии США на мировое лидерство-господство. Все 70 лет, прошедшие после войны, состоящие мирно-военной погоды на планете в основном определяли и продолжают определять США. Только на рубеже XX—XXI вв. они «демократизировали» Югославию и Ирак, Ливию и Афганистан, сегодня объектами их пристального внимания являются государства на постсоветском пространстве.

Опыт прошедших войн и военных конфликтов, а также реалии сегодняшнего дня обязывают любое государство трезво учитывать в реализуемой им политике и стратегии то обстоятельство, что в современном мире все страны подвержены различного рода опасностям, в том числе и военным (включая ядерную), и постоянно сталкиваются с разнообразными вызовами и угрозами. И Россия не является исключением из этого правила.

Своевременная и адекватная реакция на вызовы и угрозы, предполагает знание их причин и источников. Причины определяются характером и особенностями переживаемой эпохи, а что касается источников, то их корни следует искать в истории человеческой цивилизации, европейской в первую очередь. Английский историк и философ Эдуард Гиббон, исследуя историю упадка и крушения Римской империи, еще в конце XVIII в. определил по этому поводу убедительную позицию. Он показал, что «большая часть преступлений (особенно кровавых), нарушающих внутреннее спокойствие общества», происходит из-за необходимого, но неравномерного распределения собственности (когда ею пользуются немногие), жажды власти, нетерпимости к инакомыслию в разных формах, несоблюдения законов человеколюбия. Эти же факторы называли многие исследователи в последующие эпохи, включая и наше время.

Источники вызовов и военных угроз проявляются и действуют соответственно сложившимся обстоятельствам. С течением времени их содержательная сторона меняется незначительно, а вот формальная — подвержена значительным переменам. Например, вызовы и военные угрозы России со стороны Запада имеют давнюю историю: это и походы крестоносцев, шведских и польских захватчиков, и нашествие войск Наполеона, и агрессия нацистской Германии, и холодная война. Современные вызовы и угрозы России с Запада связаны с расширением НАТО, планами США по созданию противоракетной обороны и нарушению ракетно-ядерного баланса, вовлечением Украины в процесс противостояния с нашей страной и прочее. Нельзя забывать также о вызовах и угрозах со стороны международного терроризма.

Разрушение СССР, Организации Варшавского договора и всего социалистического лагеря обозначило начало коренной трансформации системы международных отношений. В последующую четверть XX в. проявился кризис либеральной модели капитализма, определились новые вызовы и угрозы глобальной и национальной безопасности. В современном мире идет перераспределение геополитических сил, формируется новая архитектура мироустройства. Этот процесс сопровождается многоаспектным и обостряющимся противоборством между ведущими державами с целью получения односторонних преимуществ для собственного

развития. Усиливается борьба, активно приобретающая транснациональный характер, за ресурсы существования: продовольствие, энергоресурсы, полезные ископаемые, пресную воду.

Международная обстановка существенно осложняется из-за стремления США к построению однополярного авторитарного миропорядка, попыток добиться безусловного доминирования в мире. Этой тенденции противостоит другая — связанная с формированием многополярного мира и появлением новых центров силы в Азии, Африке, Латинской Америке. В целом развитие международных отношений происходит в упорной борьбе с использованием самых разных форм и применением разнообразных средств, не в последнюю очередь — военных.

Современные вызовы и угрозы для России во многом обусловлены состоянием баланса военных сил, сложившимся еще на рубеже XX—XXI вв. И сегодня он явно в пользу США и НАТО. Это подтверждается уровнем военных расходов стран Запада, размещением их вооруженных сил по всему миру, активным продвижением программы ПРО, продолжающимся расширением Североатлантического альянса на восток с включением в сферу своего влияния Грузии и Украины. Военные базы США в настоящее время расположены по всему периметру российских границ. Особенно неблагоприятна для России архитектура безопасности в Европе. Рост конфликтного потенциала в мире подтверждается событиями на Ближнем Востоке, в Северной Африке.

Таким образом, стратегическая стабильность стремительно уходит в прошлое. На глобальном уровне мы наблюдаем жесткую конкуренцию стратегии построения нового авторитарного миропорядка в духе модернизированной Атлантической хартии и стратегии демократизации международных отношений, утверждения равноправного партнерства как основного звена глобального сотрудничества.

В этих условиях руководство Российской Федерации не может не учитывать опыт обеспечения национальной безопасности в предвоенный период, в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Он способствует точной и адекватной оценке современного положения, определению требований к военной политике сегодняшнего дня и на перспективу. Тем более что само понятие «национальная безопасность» в послевоенный период изменило свое содержание. До ядерной эры под этим термином подразумевалась прежде всего безопасность государства — его суверенитет, независимость, территориальная целостность. Однако сегодня безопасность государства не есть самоцель, ведь оно само призвано обеспечить безопасность общества в целом и каждого человека в отдельности. Общество тогда находится в безопасности, когда оно имеет возможность развиваться в условиях мира и свободы, осуществлять свое право на политический, социально-экономический и духовный выбор.

Вместе с тем XX в. в канун Второй мировой войны породил потребность в коллективной безопасности. С появлением ядерного оружия, других средств массового поражения эта потребность только возросла. Опыт борьбы с агрессором и победы над ним в 1945 г. не только подтвердил историческую правомерность идеи коллективной безопасности как средства предотвращения военной опасности и угрозы, но и значительно обогатил ее. Однако из-за холодной войны и военно-силового противостояния западного и восточного блоков эта система работала с заметными сбоями. С течением времени ведущие государства признали недопустимость ядерной войны, необходимость разоружения и демилитаризации, но позитивным тенденциям не суждено было стать реальностью из-за очередного изменения характера вызовов и угроз, разрушения биполярного мира.

Происходящая на наших глазах глобальная информатизация общества, будучи во многих отношениях благом, несет и новые риски. Информационная власть конкурирует с традиционной политической властью и даже с властью денег. От темпов информатизации общества, ее характера, а главное, от содержания и направленности информации теперь во многом зависит безопасность человека, общества и государства. Не будет преувеличением утверждать, что информационные войны стали реальностью. В этих условиях закономерно принятие «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в которой обозначены существующие угрозы и определены направления и меры их нейтрализации.

Следует признать, что в современной информационной войне, ведущейся против нашей страны, участвуют не только внешние, но и внутренние силы. Они пытаются привить народу России чувство национальной униженности и вины за свое прошлое; навязывают чуждый образ жизни, всячески дискредитируют отечественный исторический путь развития, особенно советский период; культивируют безнравственность, пошлость, насилие; формируют в сознании российских людей разрушительные, деструктивные психологические программы жизнедеятельности; навязывают обществу вместо научного знания различного рода предрассудки и оккультизм.

В информационной и психологической войне против нашей страны особое место занимает военная тематика — историческая и современная. Память о военных подвигах народов России, ратных делах по защите страны от иноземных захватчиков всегда имела и имеет структурообразующее значение. С ними связаны упрочение Российского государства, образование и расширение Российской империи, ее влияние на ход всемирной истории, а в XX в. — превращение СССР в одну из ведущих держав мира.

Кроме того, необходимо учитывать опасность угроз, обусловленных радикальными и зачастую негативными изменениями в социальной сфере, несостоятельностью ортодоксальной неолиберальной модели для нашего государства. Все острее встает вопрос о выборе дальнейшего пути исторического развития России.

В связи с названными обстоятельствами существенно возрастает потребность в новом теоретическом и практическом решении проблемы безопасности России — внешней и внутренней. Делаться это должно с учетом резко возросшей роли невоенных угроз и изменения роли военных факторов. Требуется внесение серьезных коррективов в теорию и практику обеспечения оборонной мощи современной России и строительства ее вооруженных сил.

Эволюция типов войны: гибридная война

Война — довольно сложное и многогранное явление. Ее сущность скрывается за исторически меняющимися формами. В «Новой философской энциклопедии» война определяется в двух значениях: «1) состояние вражды, борьбы с кем-либо; по словам Дж. Локка, тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым вовлекает себя в состояние войны с ним; 2) организованная вооруженная борьба между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемая специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств»².

В советский период война определялась с позиций формационного подхода: «война — организованная вооруженная борьба между государствами (или группами государств), нациями (национально-освободительная или колониальная) или классами (гражданская война), свойственная антагонистическому классовому обществу»³.

Одновременно с формированием новых способов производства, новых технологических укладов формируются и новые способы, технологии ведения войны. Вместе с эволюцией и прогрессом человека идет эволюция насилия⁴. Человек осваивает новые пространства и измерения бытия и одновременно появляются новые типы войны. Сочетание различных типов войны в конечном итоге и образует феномен гибридной войны. Ее понимание невозможно без классификации войн по соответствующим принципам и на основании сложившихся философских подходов к анализу социальных феноменов.

Необходимо обратить внимание на то, что война в классическом определении мыслится в непосредственном единстве с физическим вооруженным насилием. Характер оружия тоже физический — от меча до атомной бомбы. Объектом поражения здесь выступают физические структуры на уровне общества (материально-техническая база, инфраструктура

и прочее) и личности (тело). Все другие виды деятельности в классическом понимании войны — обеспечение физического вооруженного насилия. Но разве насилие является только физическим? И если его нет, то и войны нет? А если насилие носит косвенный, опосредованный характер?

С появлением атомного оружия человечество оказалось перед угрозой собственного уничтожения. В свое время Б. Лиддел Гарт писал, что с появлением водородной бомбы понятия «тотальная война» как метод и «победа» как цель войны становятся устаревшими концепциями⁵. А в современной России распространилась точка зрения, что «в настоящее время военно-технический потенциал сил сдерживания достиг такого уровня, что в сочетании с должной политической ответственностью государств позволяет надеяться на недопущение крупномасштабной войны, которая стала бы катастрофой глобального масштаба»⁶.

Однако угроза самоуничтожения человечества в условиях атомной войны привела не к отказу от войны, а поставила вопрос о поиске новых форм и средств ведения войны вне угрозы всеобщего физического уничтожения человечества. С одной стороны, атомное оружие отменяет тотальную войну, но только в том типе войн, в котором она посредством атомного оружия достигает своего предела. Этот тип войн связан с оружием физического уничтожения, которое создавалось и развивалось на основе естественнонаучного знания, прежде всего физики. В данном типе войны объектом поражения является телесность (физика) человека, а на уровне общества — материально-техническая база и инфраструктура. В этом контексте формируется классическое понимание войны и средств вооруженного насилия, и в атомном оружии оно достигает своего предела⁷.

Бытовало мнение, как у нас в стране, так и за рубежом, что это приведет к отказу от войны. Но данное обстоятельство открыло лишь другую сторону в развитии войны — поиск новых средств и форм ее ведения. Этот поиск ведет к появлению нового типа войн, и это вторая сторона последствий появления атомного оружия. Тотальная классическая война становится бессмысленной, так как ядерное оружие при его применении ставит под вопрос само физическое существование человечества. Но данный факт не меняет (и не отменяет) самого характера тех противоречий, которые лежат в основе войны и порождают ее, а лишь стимулирует поиск новых форм и способов ее ведения.

Атомное оружие стимулировало создание технологий ведения войны за пределами прямого физического насилия. Так, для Б. Лиддела Гарта это стратегия непрямых действий. Он писал, что «доведя разрушительность до крайности «самоубийства», атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к использованию непрямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно в отличие от грубого применения силы»⁸. Стратегия непрямых действий определена китайским военным мыслителем Сунь Цзы: «Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости»⁹. И именно эта стратегия открывает перспективы неклассической тотальной войны. Разговоры о том, что человечество отодвинуло угрозу тотальной войны, — лишь информационная завеса в условиях зарождения нового противостояния, неклассическим объектом поражения в котором становится сознание человека во всех своих формах и структурных образованиях.

Исторический период, когда классическая война дойдет до своего предела и поставит вопрос о новых формах и способах ее ведения, совпадает с развитием социальных технологий на основе социально-гуманитарных знаний, с началом формирования постмодернизма. Эти обстоятельства будут способствовать формированию образа неклассической войны. В данном случае под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служит сознание индивида и общества во всех своих формах и структурах, с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия и ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества. Неклассическая война отличается от классической следующими признаками: объектом поражения (сознание, а не тело); использованием нефизического насилия; иррегулярным, непрямым характером. Этот тип

войн требует соответствующей методологии исследования, определенных исследовательских принципов и подходов¹⁰.

В качестве исходного методологического принципа следует применить принцип многоуровневости человека (тело — душа — дух), общества и мироздания (вещество — энергия — информация). Классическая война ведется в плоскости телесности; неклассическая война происходит в плоскости сознания и духа человека и общества. Данная типология не противоречит логике. Война многогранна, при этом она постоянно развивается. В результате в типологии войны открывается еще одна ее грань, и появление ее несколько не умаляет общепринятого понимания сущности войны как продолжения политики, но насильственными средствами. В данном случае учитываются другие виды насилия, а не только физическое, и многомерности человека и мира.

Несмотря на то что человечество перешагнуло порог XXI в. и вышло в космос, сохраняются устаревшие способы производства и технологические уклады, и поэтому следует учитывать типы войн, базирующиеся на них. Определенные субъекты войны могут использовать противоречия, например между племенами Африки, для решения своих геополитических и геоэкономических задач. В ряде регионов планеты в последние десятилетия наблюдается регресс, активно идет процесс архаизации социальных связей, и отношений и вместе с этими процессами в мир возвращаются архаические, казалось бы, оставшиеся в прошлом, способы ведения войны.

По физическим средам, в которых война протекает, выделяются войны континентальные (сухопутные), морские, воздушные, космические.

Война континентальная разворачивается, как правило, на пространстве одного из континентов с преимущественным использованием сухопутных сил. Основные цели войны достигаются прежде всего разгромом группировок вооруженных сил на континентальных театрах военных действий и захватом стратегически важных районов территории. Действия на морских театрах являются вспомогательными. Пример — Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Война океанская (морская) ведется на акваториях океанских и морских театров военных действий. Поставленные военно-политические цели достигаются главным образом в результате разгрома военно-морских сил противника и захвата его основных военно-морских баз, установления контроля над оперативно важными зонами морей и океанов. Такая война наиболее характерна для столкновения крупных морских держав.

Война воздушная связана с освоением воздушного пространства. Такие войны появились в начале XX в. В середине XX в. человек вышел в космос, и одновременно стала формироваться космическая война.

Воздушно-космическая война связывается с решающим значением военных действий в воздушно-космическом пространстве с использованием специально созданных для этих целей ударных, оборонительных и обеспечивающих средств. Первые проявления подобных войн уже есть. Это войны США на Ближнем Востоке, которые велись на определенных этапах в форме воздушно-космических наступательных операций, в ходе них уничтожались наземные группировки противника, его инфраструктура, экономическая база. В случае создания оружия космического и наземного базирования, противоракетных и противокосмических систем обороны, наступательных боевых средств для поражения космических объектов (целей), средств их вывода в космос и нанесения ударов из космоса по континентальным и океаническим группировкам данный тип войны может стать основной формой мировой войны с использованием средств физического вооруженного насилия.

По мере того как человек осваивает или создает новые пространства, возникают и новые типы и способы ведения войны. Так, на наших глазах человек вышел в киберпространство, и следом стала формироваться кибервойна¹¹, которая может вестись как самостоятельно, так и в сочетании с другими типами войны, например, финансово-экономической¹². На основе возможностей современных информационных и коммуникационных систем формируется еще один тип войны — сетевой и сетецентричный¹³.

По мере развития компьютерных и информационных систем формируется не только автоматизированное производство, но и автоматизированный характер ведения войны: на поле битвы выходят роботы, которые способны действовать практически во всех физических средах, не доступных человеку в силу ограниченных возможностей организма.

Одновременно с овладением информацией и переходом к новой постиндустриальной волне появляется феномен информационных войн, который меняет характер способов ведения войны в других типах, что отражается в классификации информационных войн. Термин «информационная война» появился в США еще в 1976 г. Единства взглядов различных научно-практических школ на это понятие до сих пор нет. Его создатель Т. Рона, столкнувшись с невозможностью загнать определение этого понятия в «прокрустово ложе» конкретной дефиниции, дал ему широкое определение: «Соревнование между соперниками, конкурентами или противниками на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях всего спектра состояний мира, кризиса, эскалации кризиса, конфликта, войны, прекращения войны, восстановления мира с применением информационных средств для достижения своих целей».

Из этого определяются ее разновидности:

- война в сфере руководства и управления войсками, нацеленная на «обезглавливание» системы управления войсками противника, то есть на физическое уничтожение центров и пунктов управления, нарушение систем управления войсками, линий коммуникаций и в целом системы управления;

- разведывательно-информационная война, которая предполагает нанесение противнику физического ущерба (огневого поражения, уничтожения) на основе широкого внедрения сенсоров и датчиков на поле боя на всю глубину боевого расположения противника в огромном количестве;

- электронная война, ведущаяся в сфере коммуникаций и включающая в себя радиоэлектронную и криптографическую войны;

- психологическая война, которая предполагает использование информационных возможностей и ресурсов против человеческого сознания;

- хакервойна — применительна к действиям и акциям хакеров для поражения компьютерных сетей как в отношении военных, так и государственных и частных (бизнес) информационных ресурсов;

- кибервойна — информационная война будущего, наиболее трудна для определения и понимания: информационный терроризм, «семантические атаки», симуляционные войны. Так, информационный терроризм является действиями хакеров, направленными не на нарушение функционирования всей информационной системы, а на использование ее базы данных для нанесения удара (ущерба) конкретному индивидууму;

- экономическая информационная война, которая может принимать одну из двух основных форм: информационную блокаду и информационный империализм. Так, информационная блокада имеет много общих черт с экономической блокадой, вся разница заключается только в том, что она ведется в виртуальном мире, посредством блокирования информационных потоков банков, фирм, предприятий, учреждений и организаций страны-противника. Информационный империализм основывается на сути экономического империализма: торговля — это война. Государства будут продвигать свои информационные системы, стремиться получить преимущества, представляемые доступом к информации;

- симуляционная война — виртуальное столкновение двух сторон, когда реальные боевые действия на поле боя будут перенесены в компьютерную реальность.

Наряду с типологией войн по физическим средам и пространствам выделяются войны по сферам жизнедеятельности общества. Традиционно в социальной философии общество делится на четыре открытые и взаимосвязанные между собой, хотя и относительно самостоятельные сферы общества: духовную, политическую, экономическую, социальную. В этой связи многие исследователи выделяют и соответствующие типы войн: духовная, экономическая, политическая, социальная. В этих типах войн объектами поражения выступают соот-

ветствующие системы, институты, связи и отношения. В настоящее время в России активно исследуется феномен экономической и финансово-экономической войны¹⁴. Экономическая война ведется против экономического развития страны с целью уничтожения ее потенциала в этой сфере. Эта война может вестись явно, через объявление санкций, торговой блокады, но может быть и скрытной.

Выделяются также типы войн и способы их ведения в соответствии с уровнями организации человека (дух, разум, тело), отражающей бытие как взаимодействие вещества, энергии и информации. На уровне духа следует выделить тип войны, который чаще всего называется информационно-психологической. Суть этих войн — разложение личности человека без применения видимого физического оружия и внешнего вторжения в страну — объект агрессии. Как правило, подобного рода война ведется средствами искусства и на основе детального знания конкретного антропологического типа¹⁵. Аналогичным же образом могут демонтироваться народы¹⁶.

Информационно-психологическая война рассматривается как война нового типа, где объектом поражения являются сознание (как индивидуальное, так и общественное во всех своих формах: историческое, национальное, классовое, оборонное, профессиональное и прочее) и система управления¹⁷. В этой войне «использовались не танковые атаки, не бомбардировки с воздуха, а непрерывная серия ударов по общественному сознанию. В наше время уже не столько «бытие определяет сознание», сколько в гораздо большей степени непосредственное воздействие на него, управление сознанием»¹⁸. Задача информационной войны заключается «в том, чтобы заставить массы действовать в нужном направлении даже против своих интересов, а в стане противника расколоть людей, заставить их стать друг против друга»¹⁹. Другой особенностью было то, что «события этой войны происходили как бы за кадром, их истинный смысл не осознавался окружающими. Многие даже не поняли, что с ними произошло... В такой войне воздействие на сознание людей проводится как извне, так и изнутри страны, причем именно последнее имеет решающее значение»²⁰. А из этого следует, что для определения своего и чужого нужны иные критерии. В формальном плане враг, линия противостояния, фронт теряют свою физическую очевидность.

Одним из первых аналитиков гибридной войны следует назвать русского военного теоретика Е. Э. Месснера и его концепцию мятежевойны²¹. Для его концепции характерны такие понятия, как «полувойна», «расщепление духа», «агрессодипломатия», «иррегулярство», «хаос», «мятежевойна», «ре-революция», «уснувшие войны», «нефть — оружие», «всемирная война», «полувсемирная война» и другие. Война предстает в форме всемирного тайфуна. Е. Э. Месснер отмечает, что типы войн базируются на различной мировоззренческо-методологической основе: «Со времен Наполеона войны велись по Наполеону, Клаузевицу, Дельбрюку (в русском варианте — по Жомини, Лееру, Михневичу). От Людендорфа (1916) стали воевать по экономисту Адаму Смиту, дополнив воевание армиями борьбой экономики. И. В. Сталин и У. Черчилль (оба — не генералы, не военные люди) добавили к Клаузевицу и Смиту положения штатских теоретиков военного искусства, революционеров Маркса, Энгельса, Каутского, дававших не армиям и экономике главные роли в воевании, а мятежу. С войны в Индокитае (начавшейся в 1947 г., в которой северовьетнамский «генерал» Джиап мятежом победил армию Франции), участие армий в военных конфликтах становится мало значительным: Клаузевица и Энгельса оттеснили глашатаи нового типа войны Джиап, Мао и Че Гевара. Изменилась не только концепция войны, но и философия военного искусства: если, по Ницше, сверхчеловек воевал вследствие природной воинственности, то хиппи-философ Маркузе уверяет, опираясь на Фрейда, что нынешнее восстание (мятеж) против «эстеблишмента» (социального строя) проистекает от сильнейшего из человеческих инстинктов — от эротического. Получается нечто с трудом воспринимаемое: повсеместное восстание против общественной системы, общественных нравов, повсеместный мятеж, всемирная, всемирная мятежевойна основаны на половом инстинкте?!»²²

Ряд исследователей отмечает, что в современном мире войны ведутся и за энергетические ресурсы, и посредством энергетических систем и их элементов²³. В этой связи выделяются

самые разные типы энергетических войн²⁴. Распространенными энергетическими войнами являются войны газовые и нефтяные²⁵. Исследователи отмечают, что сами нефть и газ превращаются в разновидность оружия и средство тотального господства над человечеством²⁶. Из данных работ следует, что оружием в современной войне может быть все, что способно сломить волю противника, все, посредством чего кто-то, определенный социальный субъект, может навязать всем или кому-то свою волю.

Война, которая ведется на опережение, получила название преэмптивной (опережающий захват или силовое действие на опережение). Она ориентирована на смену режима, перехват национального суверенитета и строительство на месте «неправильной» нации новой, то есть нациоперестройка, или нациопеределка. Подобные способы ведения войны осуществляются в интересах вполне конкретных субъектов войны, которые рассматривают ее в качестве эффективного средства обеспечения мирового доминирования.

Еще одним типом современной войны, занимающим важное место в арсенале гибридных войн, является терроризм. Главное отличие терроризма от других видов войны состоит в том, что с помощью терактов лидеры терроризма стремятся к достижению максимальной общественной резонанса, чтобы сформировать у людей чувство отсутствия безопасности и показать бессилие власти. Многие западные исследователи в связи с этим именно наличие «коммуникативной стратегии» считают сущностным признаком терроризма, отличающим это явление от каких-либо повстанческих или партизанских действий. Особенность этой войны в том то, что само понятие «террорист» является размытым. Антитеррористическую войну можно объявить кому угодно, когда угодно и за что угодно и при этом преследовать совершенно иные, скрытые цели.

Американский аналитик и политолог С. Хантингтон утверждал, что человечество подошло в своем развитии к такому этапу, когда источниками войн и террористических проявлений будут являться различия между цивилизациями не в экономической и политической системах общества, а прежде всего в духовной сфере, культуре и религии. По мнению ряда исследователей, главными противниками в грядущей «войне цивилизаций» будут выступать западный мир, с одной стороны, и исламско-конфуцианский (восточный) блок — с другой. Фронтами будущих террористических войн выступают «разломы» между цивилизациями — традиционные границы распространения влияния мировых религий (одним из таких «разломов» ныне является Россия).

Российский историк и социолог А. И. Фурсов дает анализ информационных войн, ведущихся мировыми элитами против России на протяжении последних двух столетий. В типологии войн он выделяет психоисторическую войну, понимая под ней «целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческая память, эмоции и т. п.) определенной группы, как правило, интеллектуальной и политической элиты, общества-мишени (или на это общество в целом) с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему) чуждые цели, задачи, идеалы, картину мира и т. п. как якобы ее (его) собственные. Задача проста — подавить волю к сопротивлению и экспроприировать общество в целом (ресурсы, территория, человеческий материал)»²⁷. Цель психоисторической войны — разрушить организацию психосферы противника, посадив его на ложный информпоток, внедрив свои концепции его самости в пространстве и, главное, во времени, лишив его собственных смыслов и ценностей и навязав чуждые — разрушительные и парализующие волю к борьбе. Наиболее важное направление психоисторической войны — история. Битва за историю — это, по сути, главная битва организационной войны в психосфере, поскольку она подрывает последнюю сразу по нескольким направлениям, включая психодары по исторической памяти, идентичности, традиционным для данной цивилизации ценностям²⁸.

Таким образом, полем битвы становится история, сознание личности и общества. Война из физического пространства переносится в историческое пространство. Отсюда следует, что необходимо создавать систему безопасности личности, общества, государства не только

на уровне пространства, но и на уровне времени/истории и формировать соответствующие силы и средства.

Для понимания феномена гибридных войн, следует обратить внимание на работы последних лет, написанные российскими авторами²⁹: «С позиций этого подхода критерием войны являются не средства, а достигнутые цели, сопоставимые с целями, которые обычно преследуются в ходе традиционной войны. Это, как правило, уничтожение, разграбление, смена режима и оккупация. На современном этапе эти цели могут быть достигнуты без применения оружия»³⁰.

Следует остановиться на еще одной классификации, в которой война рассматривается как многофакторное и многоуровневое явление. В рамках концепции «обобщенного оружия» выделяются следующие приоритеты: мировоззренческий (методологический), хронологический (исторический), фактологический (идеологический), экономический (финансово-кредитная система), геноцидный (средства массового поражения), военный (обычное оружие)³¹.

Не вдаваясь особо в критику данной концепции, важно обратить внимание на то, что она фиксирует определенную многоуровневую вертикаль войны. Первые три приоритета (мировоззренческий, хронологический и фактологический), по мнению авторов концепции, используется в качестве информационного оружия. Три последних уровня (экономический, геноцидный и военный) образуют «материальное оружие» войны. Появление данной концепции — попытка системного осмысления войны с позиции понимания человека как многофункционального субъекта. Каждый тип оружия предназначен для поражения определенной сферы (структуры) человека: сознания, мировоззрения, социальной организации, физической организации и прочего.

Осознание США значимости, например, «мировоззренческого приоритета» в войне и повседневной политике привело к тому, что на данный момент они являются лидером в создании и применении технологий ведения информационно-психологических войн как разновидности политики в отсутствие действительной войны. Эти технологии политическое руководство использует не только против тех, с кем воюет, но и против собственного населения. Апелляция к оружию в сфере политических отношений в настоящее время между ведущими странами не имеет общественной поддержки. И с этим политическому руководству США приходится считаться.

Выход из сложившейся ситуации США видят в возможности и необходимости использовать информационно-психологическое воздействие на общество для формирования единого «понимания» национальных интересов. Примером подобной высокотехнологичной манипуляции может служить следующее: когда стихийный пацифизм общества 1960–1970-х гг. вступил в конфликт с насильственной политикой США, в американских средствах массовой информации произошла трансформация терминологии описания военных конфликтов: вместо привычных слов «военная операция», «вторжение» и «атака» стали использовать «миротворческая операция», «гуманитарная миссия», «контроль ситуации». Происходит элементарная подмена понятий, которая активно внедряется в сознание людей.

Подобное воздействие получило трудно понимаемое название — консциентальное оружие. Создаются специальные «симуляционные машины», которые воссоздают ложную среду существования сознания, но не воспроизводят самого сознания. Систематическое воздействие искусственных моделей сознания и специально созданных образов на человека приводит к тому, что он как бы засыпает, то есть включаются определенные психофизиологические механизмы, тормозящие нормальное функционирование духовного мира индивида.

В массовом плане подобную информационную войну по поражению сознания в настоящее время выполняют многие средства массовой информации и коммуникации. В условиях применения консциентального оружия усложняется процедура идентификации, становится невозможным понимание служения Родине как свободного самоопределения личности, народа и воинства. Сам процесс идентификации в настоящее время характеризуется тем, что он проходит в условиях консциентальной войны под видом выражения плюрализма мнений

и свободы творчества. В сознание общества, например, внедряется большое количество заведомо ложных вариантов русской идеи, образа русского народа да и русской армии, являющихся составными частями «симуляционных машин». Все это существенно разрушает стереотипы служения русского воинства и формирует условия, в которых оно становится как бы неактуальным или совсем невозможным.

Особенностью трактовок современной войны является их непосредственная связь с пост-модернизмом, который используется в качестве философского обоснования и методологии. Примером служит теория так называемых «сетевых войн». Создается мощная и всеобъемлющая сеть, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Война становится как бы сетевым явлением, а военные действия — разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы — всё это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Возникает сеть «операций базовых эффектов», цель создания которой — надежный тотальный контроль над всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе.

В концепцию сетевой войны органично укладывается концепция организационного оружия и организационной войны. «Оргвойна — это сознательная и целенаправленная атака на организованность целевого ядра, подсистем и управляющих связей системы противника. А поскольку речь идет о системах, в которых и целеполагающее ядро, и подсистемы, и связи состоят из людей, то в данном случае оргвойна — это прежде всего нужное атакующему управление мотивациями организационных решений противника во всех частях его социально-государственной системы»³².

Анализ войны в контексте ее субъектности открывает еще одну важную сторону — анонимный характер субъекта-заказчика (организатора) войны. Как правило, объект (жертва) и участники войны очевидны, а вот субъект-заказчик (организатор) войны остается в тени. Особенностью современных войн и революций является их анонимность, отсутствие явного организатора, руководителя войны, революции даже для самих участников³³. Аспект анонимных, невидимых субъектов войны исследовался в свое время советским историком-англоведом Е. Б. Черняком. Среди его работ следует выделить монографии «Невидимые империи» и «Пять столетий тайной войны»³⁴, где показано, что тайные, анонимные войны характерны для Англии и ее транснациональных корпораций. Всеми силами и средствами Англии стремилась стравливать между собой своих исторических конкурентов, блокируя саму возможность их развития.

Еще одной особенностью современной войны выступает ее иррегулярный характер. Считается, что война возможна в условиях, когда субъектами войны становятся мятежные массы. Особенностью современной войны может стать и ее непрямой характер, маскировка операций нападения под естественные социальные процессы и явления. Признание иррегулярности и непрямого характера современной войны ведет к неоправданному увеличению объема понятия «война», размыванию границы между насилием и ненасилием. Война также теряет свою четкую фиксированность содержания, устойчивость и легитимность. В нынешнюю эпоху войны все чаще официально не называются таковыми. Используется другая терминология для сокрытия зачинщиков и инициаторов войны.

И еще одна особенность современности. Классические представления К. Клаузевица о субъектах войны связаны с народом, армией, правительством. М. ван Кревельд в своих работах пытается показать, что в XX в. наметилась тенденция отмирания роли государства в войнах. По его мнению, стала меняться и сущность войны. Участниками войны становятся негосударственные структуры: политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. В этой связи вооруженные конфликты уже представляют собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия³⁵. Стоит все же возразить М. ван Кревельду.

От того, что меняются субъекты войны в силу изменения субъектов политики, не исчезает сама сущность войны как продолжение политики насильственными средствами.

Особенностью же является появление большого количества новых типов войны и способов ее ведения. Их сочетание служит основой гибридных войн. Эти войны в условиях глобализации являются по сути мировыми, глобальными по своим целям и стратегическим задачам. Однако по форме они, как правило, локальные, замаскированные под естественные деструктивные социальные и антропологические процессы. Это связано с тем, что гибридные войны ведутся на основе теории хаоса. Если не удастся достичь целей войны на театре военных действий классической обычной войны, то осуществляется перенос театра военных действий в сферы жизнедеятельности общества, в структуры организации самого человека. При этом субъект войны, то есть ее непосредственный заказчик, как правило, остается анонимным, скрытым³⁶. Особенностью гибридных войн является тот факт, что оружием в них может выступить все, что угодно. Это обусловлено тем, что в современном технологическом укладе очень много технологий двойного назначения.

Другой особенностью является сама техногенность современного общества: разрушение технических систем общества по последствиям может стать равнозначным ведению классической войны. В современных условиях в рамках технологий гибридной войны она по сути превращается в своеобразный конструктор: из всего арсенала сил, средств, способов ведения войны выбирается тот набор, который оптимально соответствует целям и задачам конкретной войны. В условиях гибридной войны «хамелеонность» и парадоксальность войны многократно возрастают, так что уже практически невозможно отличить войну от естественных мирных отношений и состояний общества.

Информационные войны современности

В рамках проблемы взаимосвязи отечественного военно-исторического опыта и современного этапа военного строительства представляется важным рассмотреть вопросы ведения современной информационной войны. Именно в информационном пространстве уже с конца XX в. начинаются и заканчиваются все без исключения военные конфликты и локальные войны. Любая потенциально возможная «горячая» война против нашей страны начнется с попыток противника нанести нам максимальный урон с помощью современных средств ведения противоборства в информационном пространстве, за границами собственно «горячей» фазы. Более того, можно смело считать фактом, что современная информационная мировая война, в которую втянуты едва ли не все страны — субъекты мировой политики, уже идет полным ходом в режиме войны «всех против всех».

Информация в любые времена выступает как системообразующий элемент военных операций. Ее ключевая роль в достижении победы на поле боя является общепризнанной. В сочинениях Сунь Цзы, К. Клаузевица и других выдающихся военных теоретиков всех эпох и народов эта тема отражена интересно и ярко. Военная практика полна свидетельств того, что полководцы, военачальники всегда активно стремились извлечь максимальную пользу из информационного преимущества над противником.

Пониманию важности информации в военном деле и определению оптимального соотношения военных и информационных операций в структуре общих действий по ведению современной войны способствует изучение опыта информационного противоборства воюющих сторон в годы Великой Отечественной войны. Так, в 1942 г. немецкие подразделения пропаганды были выделены в самостоятельный род войск. В начале 1943 г. войска пропаганды вермахта включали: 21 роту пропаганды сухопутных войск, семь взводов военных корреспондентов сухопутных войск, взвод военных корреспондентов «Великая Германия», восемь батальонов пропаганды на оккупированной территории, состоящих из добровольцев-пропагандистов.

Советские органы госбезопасности (НКГБ и НКВД) оказывали противодействие фашистской пропаганде, разрушению средств связи и дезорганизации управления (например, с помощью ложных приказов). В этих целях с началом войны были срочно созданы специальные силы, при организации работы которых тщательно учитывались формы и способы действий пограничных войск в процессе охраны государственной границы в мирное время. «Встречная» работа подразделений спецпропаганды Красной армии против немецких войск вплоть до середины 1942 г. отличалась бессистемностью, однако после создания в июне 1942 г. Совета военно-политической пропаганды, эффективность информационного воздействия на немецких солдат и население Германии существенно возросла. Первый масштабный позитивный опыт информационно-психологического воздействия на противника был приобретен в ходе Сталинградской битвы. Осуществлялись и структурные изменения органов пропаганды. В августе 1944 г. 7-й отдел Главного политического управления был развернут в управление. В 1944 г. появилось новое понятие «пропагандистская операция», под которым подразумевались комплекс разработанных пропагандистских действий в области печатной и устной пропаганды, наглядной агитации, использование военнопленных, в том числе возвращение их в свои подразделения, и прочее. Все эти действия были сконцентрированы тематически вокруг одной идеи, подчинены характеру боевой операции, планам и задачам командования. В 1944–1945 г. было проведено 27 пропагандистских операций.

Чтобы успешно прогнозировать характер информационных военных операций ближайшего будущего, надо дать оценку современным взглядам и практике подготовки и проведения информационных войн, прежде всего армии США. Известно, что современная концепция информационно-психологических войн США основана на трудах и практическом опыте стратега политики китайских военных и политических деятелей, таких как выдающийся полководец и государственный деятель Сунь Цзы. При оценке этого факта сразу возникает вопрос: можно ли современный острый политический конфликт называть информационно-психологической войной, если даже в те времена, когда основные ее положения уже были сформулированы (IV в. до н. э.), традиционное военное искусство не только не потеряло своего значения, но и начало активно развиваться именно в направлении массированного применения грубой вооруженной силы? То есть, если на зачаточной стадии развития военного искусства не произошло вытеснения новыми формами психологической борьбы более примитивных и архаичных форм прямой вооруженной агрессии, то почему это должно произойти сейчас, при современном уровне развития систем вооружений и военного искусства в целом?

Сегодня все более заметна возрастающая роль психологических операций в современных войнах и локальных вооруженных конфликтах: они становятся более психологическими, напоминая масштабную пиар-кампанию, а собственно военные операции постепенно оттесняются на второй план и играют четко определенную и ограниченную роль, отведенную им в общем военном сценарии. Современные технологии психологической войны способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные системы высокоточного оружия.

Для эффективной стратегии строительства современных Вооруженных сил России важно определить, какие из современных средств ведения войн выйдут на передний план в будущих войнах, хотя бы в среднесрочном периоде. Есть все основания полагать, что таким средством или «орудием главного калибра» станет информационно-психологическое оружие, которое уже сейчас занимает особое место в арсенале средств ведения боевых действий.

Так как человек является решающим звеном в любых процессах окружающей нас действительности, то воздействие на его психику может приводить как к положительным, так и к отрицательным последствиям развития этих процессов. Продуманные и целенаправленные воздействия такого рода чаще всего незаметны, проявляются постепенно, экономически менее обременительны, экологически безопасны и самое главное — трудно устранимы. Хорошо известно, что 80% болезней человека — психические, то есть зависят от ослабления его

психики, за которым следует ослабление всех физиологических, жизненных осей человека. Информационное воздействие является основой коммуникативных процессов. Человек, будучи участником информационного взаимодействия, выступает в системе коммуникации сложным элементом общества.

Если говорить о строгих определениях и категориях информационной войны, то прежде всего нужно выделить следующие основные понятия:

— информационно-психологические воздействия на человека могут привести к двум видам взаимодействующих изменений: во-первых, это изменения психики, психологического здоровья человека, а поскольку в случае информационных воздействий трудно говорить о границах нормы и патологии, показатели изменения могут быть нарушающими адекватное отражение мира и места в нем и нарушающими отношение человека к миру; во-вторых, информационно-психологические воздействия на человека ведут к сдвигам в ценностях, жизненных позициях, ориентирах, мировоззрении личности. Специально организованные воздействия на психику человека могут носить как конструктивный, так и деструктивный характер. В современном мире с целью достижения политических и иных целей жестко сплетаются конструктивные и деструктивные процессы за овладение психикой человека. Между противниками господствуют взаимно деструктивные отношения, внутри каждой из сторон идет ожесточенная борьба за доминирование процессов конструктивных над деструктивными;

— к объектам воздействия информационно-психологического оружия относится психика принимающих решение лиц, прежде всего военно-политического руководства страны; отдельного человека, военнослужащих и гражданского населения, в том числе дружественных, нейтральных государств; национальных и религиозных меньшинств; оппозиционных сил (партий); определенных социальных групп (интеллигенция, предприниматели, домохозяйки и другие);

— информационно-психологическое оружие как совокупность специальных методов и средств скрытого и насильственного воздействия на психику людей с целью управления их поведением (деятельностью) в нужном для воздействующей стороны направлении или уничтожение (гибель) людей;

— информационно-техническое оружие как совокупность специальных методов и средств, которые основаны на использовании электромагнитных волн (излучений) различной длины и мощности и вредительских (деструктивных) программ с целью воздействия на радиоэлектронные средства, элементы радиоэлектроники, программные средства автоматизированных систем управления и электронно-вычислительной техники, применяемые в системах управления войсками и оружием, вооружении, военной технике, на гражданских и военных объектах, и приводят к ухудшению их функционирования или исключению нормального функционирования по своему предназначению;

— к объектам воздействия информационно-технического оружия можно отнести: радиоэлектронные средства, средства электронно-вычислительной техники, программное обеспечение, среду распространения электромагнитных и акустических волн.

К основным разновидностям информационно-технического оружия, основанного на применении электромагнитных волн (излучений) различной длины и мощности, и вредительских (деструктивных) программ можно отнести средства: радиоподавления, функционального поражения, изменения условий распространения радиоволн, ускоренного старения радиоэлектронной аппаратуры.

Радиоподавление — воздействие на радиоэлектронные средства противника, которые применяются в системах управления войсками и оружием, вооружении, военной технике, на гражданских и военных объектах, путем создания электромагнитных излучений (помех) и изменения условий распространения электромагнитных волн, приводящего к непродолжительному ухудшению функционирования систем по своему предназначению.

Воздействуя на приемные устройства, помехи имитируют или искажают наблюдаемые и регистрируемые оконечной аппаратурой сигналы, изображения либо исключают выделение

полезных сведений, ведение радиопереговоров и прочее. Под действием помех радиоэлектронные средства и системы могут перестать быть источником сведений, несмотря на их полную исправность и работоспособность.

Функциональное поражение — специальное воздействие на радиоэлектронные средства и системы, информационные средства автоматизированных систем управления и электронно-вычислительной техники, радиоэлектронные элементы, применяемые в системах управления войсками и оружием, вооружении, военной технике, на объектах противника и гражданского назначения, исключающее их нормальное функционирование. Функциональное поражение включает радиоэлектронное поражение, специальное программно-техническое воздействие. К средствам функционального поражения относятся СВЧ-генераторы и лазерные средства поражения. Средства функционального поражения представляют в настоящее время серьезную опасность для систем связи и информатизации России.

Специальное программно-техническое воздействие — поражение программ средств автоматизированных систем управления и электронно-вычислительной техники, применяемых в вооружении, военной технике, на военных и гражданских объектах, в информационных системах и средствах управления войсками и оружием, путем внедрения вредительских (деструктивных) программ в программы этих средств или разрушающих закладных устройств непосредственно в устройства этих средств, что приводит к разрушению или искажению программ (алгоритмов) и информационных массивов, хранящихся и циркулирующих в этих системах, и исключает их нормальное функционирование.

Средства изменения условий распространения радиоволн — это средства, которые изменяют свойства среды распространения (отражения) радиоволн путем применения средств постановки пассивных помех, средств создания в атмосфере искусственных образований, средств изменения свойств контрастности объектов.

Ускоренное старение радиоэлектронной аппаратуры, применяемой в радиоэлектронных средствах, вооружении, военной технике, на военных и гражданских объектах, в системах управления войсками и оружием, в том числе в системах связи, — воздействие на нее путем облучения специальными электромагнитными и другими излучениями (импульсами), приводящее к преждевременному (ранее установленного срока) повреждению, разрушению (необратимому изменению характеристик) электронных, полупроводниковых и ферритовых, оптических, акустических и других элементов радиоэлектроники.

Таким образом, в настоящее время и в обозримом будущем информационное оружие во многих случаях способно сыграть решающую роль в достижении победы над противостоящей стороной в ходе ведения современных войн. Нельзя не учитывать в этой связи того обстоятельства, что Всемирная паутина в ее нынешнем состоянии представляет очень мощный инструмент для того, чтобы подстрекать к терроризму, вербовать новых членов, пополнять фонды и потенциально также осуществлять атаки на сетевую инфраструктуру. Существуют вебсайты, регулярно посещаемые десятками тысяч людей, на которых доступна террористическая литература, а теракты прославляются. Создаются социальные сети и поддерживаются виртуальные сообщества, которые позднее могут использоваться для мобилизации поддержки. Есть вебсайты, дающие приют виртуальным учебным лагерям. Благодаря электронной коммерции Интернет также является одним из основных средств отмывания денежных средств, с помощью которого террористы могут создавать и перемещать капиталы и другие материальные ресурсы.

По мнению некоторых исследователей, кибертерроризм является разновидностью так называемого супертерроризма, характерная черта которого — использование или угроза применения в террористических целях наиболее передовых вооружений или технологий, вызывающих массовое поражение населения или нанесение осязательного экономического или экологического ущерба. Несмотря на то что к настоящему времени существует совсем немного очевидных свидетельств активного использования Интернета террористами с целью проведения атак на инфраструктуры, подключенные к информационным сетям, угроза кибертерроризма становится все более реальной. Хакеры уже неоднократно демонстрировали свою

способность преодолевать защитные системы различных государственных и общественных учреждений, например Пентагона, считавшихся самыми защищенными.

В настоящее время кибертерроризм обладает серьезным потенциалом разрушения, так как многие критические инфраструктуры связаны с внешним миром через компьютерные сети. Особо можно выделить угрозу потенциального соединения кибератак с традиционными физическими нападениями или проведения их во время крупных стихийных бедствий и возникновении чрезвычайных ситуаций. Кибертеррористы могут также стремиться причинить и экономический ущерб, прежде всего там, где коммуникации и информационный обмен существенно влияют на функционирование различных организаций, структур, объединений и на глобальную экономическую систему.

На данный момент террористы наиболее активно используют киберпространство и Интернет именно для поддержки своей активности. Многие террористические группировки активно используют компьютеры и Интернет для связи. Киберпреступления нацелены на компьютеры или существуют благодаря им. Есть мнение, согласно которому киберпреступность не является уникальным явлением ввиду того, что киберпространство служит всего лишь новым, специфичным инструментом, который используется при совершении уже известных преступлений. Киберпреступность может включать в себя хищение интеллектуальной собственности, нарушение патентов, торговых секретов или законов о копирайте. Шпионаж через компьютерные сети также можно отнести к киберпреступности, как и, безусловно, кибертерроризм.

В национальной стратегии США по обеспечению безопасности киберпространства (2003) особо отмечено, что ввиду сложности, а часто невозможности определения источника угроз в киберпространстве, необходимо сосредоточиться на главном — предотвращении кибератак против критически важной инфраструктуры, снижении уязвимости к таким атакам, минимизации ущерба и времени восстановления в случае нападения. Также четко определено, что правительство оставляет за собой право контрудара «в приемлемой форме», если Соединенные Штаты подвергнутся компьютерному нападению.

В феврале 2011 г. была принята новая национальная военная стратегия США (NMS). В ней уделяется особое внимание задаче обеспечения свободы действий в космосе и киберпространстве. Там говорится: «Наша способность эффективно работать в космосе и киберпространстве становится все более важной для нанесения поражения агрессору. США столкнулись с постоянно растущей и распространяющейся угрозой от государственных и негосударственных структур в космосе и киберпространстве. Мы должны нарастить наши способности к проведению операций при непригодности или недоступности общего пространства. Космос и киберпространство позволяют вести глобальное противоборство в воздухе, на земле и на море». В документе также особо отмечается тот факт, что «если произойдет крупномасштабное кибервторжение или возникнет ущерб от кибернападения, то мы будем считать злонамеренных акторов ответственными и должны будем обеспечить широкий диапазон вариантов, гарантирующих наш доступ к использованию киберпространства».

В качестве ответных действий рассматривается применение кибероружия, или вредоносного кода, спроектированного для атаки и выведения из строя вражеских компьютерных систем. Подобным информационно-электронным противодействием занимается Совместный центр информационных операций под управлением Стратегического командования США. В нем Объединенная оперативная группа глобальных сетевых операций координирует и направляет действия по защите компьютерных сетей и систем министерства обороны, а по соответствующему приказу совершает нападение на компьютерные сети для обеспечения выполнения как оперативных задач на театре военных действий, так и задач в интересах национальной обороны.

Американские военные эксперты в последнее время выступают с обвинениями в адрес официального Пекина о создании последним многочисленных инструментов для организации кибератак, в разработке вирусов, а также содержании специальных отрядов хакеров, которые время от времени совершают те или иные незаконные диверсионные действия в от-

ношении других государств. «Народно-освободительная армия Китая продолжает создавать средства для кибератак, а также в крупных количествах разрабатывает вирусы, атакующие компьютерные системы не только в США, но и ряде других стран», — говорится в отчете Министерства обороны США. По данным американской стороны, эта активность КНР является частью внешней военной политики, в которую последнее время входят не только традиционные военные силы, но и новые баллистические ракеты, а также так называемые высокотехнологичные киберподразделения.

Вместе с тем независимые международные эксперты отмечают, что за последние несколько лет своими киберподразделениями обзавелись многие страны, а не только Китай. В самих США такие отряды также есть. Несмотря на это, по заявлению американцев, впервые о данных подразделениях в КНР стало известно еще в 2000 г., и с тех пор их активность постоянно увеличивается, а штат сотрудников растет. «Китай на сегодня постоянно исследует возможности атаки слабозащищенных правительственных и гражданских сетей, причем поиск данных сетей ведется постоянно», — говорят в Пентагоне. В отчете американских военных отмечается, что в 2005 г. в КНР были проведены масштабные военные киберучения, о которых официальные китайские средства массовой информации умолчали. Отдельно в докладе говорится и об активности Китая в отношении Тайваня, который сам себя позиционирует как независимое островное государство. В КНР же считают его отколовшейся провинцией. В докладе напоминают, что Китай уже неоднократно обещал напасть на Тайвань, если тот официально объявит о своей независимости. Военные отмечают: «Локальная военная кампания будет в первую очередь включать в себя массированную атаку и выведение из строя всех компьютерных сетей острова»³⁷.

В связи с интенсивным увеличением пользователей сети Интернет она становится обширным полем для ведения информационного противоборства, одним из новейших методов которого является блоггинг. Блогосфера сегодня дает возможность любому человеку общаться со всем миром напрямую, передавая и получая информацию меньше чем за секунду, минуя какие бы то ни было границы. Система «друзей» позволяет распространять информацию тысячам адресатов в короткий промежуток времени. Именно поэтому ведущие спецслужбы мира стали использовать блоггинг в информационных войнах³⁸. В каждой стране имеются площадки для ведения блогов. Также подобные площадки имеют многие крупные города и корпорации. Одними из самых распространенных блог-платформ в Рунете являются — Liveinternet и Livejournal.

Спецслужбы выбирают площадку, ориентируясь на предпочтения целевой аудитории либо руководствуясь посещаемостью данного интернет-ресурса. На каждой площадке работает одно отделение — в сферах политики, экономики, промышленности и прочих. Одной темой занимаются два-три блоггера-разведчика, каждый из которых ведет три-четыре вымышленных персонажа с разными характерами, живущих в разных местах, возможно, даже разноязычных. Причем, если три выдуманных иностранными блоггерами персонажа, скажем, ругают Россию, один должен нелепо и глупо ее хвалить. В конце дискуссии последнего персонажа разубеждают «фактами». Складывается впечатление реального общения, в которое вмешиваются тысячи человек, и блоггеры их подводят к нужным выводам.

Иногда блог создается с нуля. Выбирается старая тема-новость, которая вызывала ажиотаж, затем на эту тему пишутся сообщения, которые должны привлечь внимание и вызвать соответствующий интерес. Оригинальный, нигде не повторяющийся контент вызывает доверие у читателей. Основная тема должна соответствовать разведзадаче. К примеру, создается блог «Имперские амбиции России». Среди ничего не подозревающих обывателей ищутся «друзья», которые должны быть активными участниками дискуссий в блогосфере. Разведчики подбирают в «друзья» журналистов центральных средств массовой информации, заходящих в блогосферу, активистов общественных движений, людей, ведущих популярные блоги. Далее разведблоггеры отслеживают втянутых в общение лиц, а также то, как информация передается из одного блога в другой. Перед этим блог «разогревается», под различными предложениями в него привлекаются «друзья». Когда площадка достаточно наполнена

посетителями, происходит вброс необходимой информации и ее практически мгновенное распространение по всем адресатам.

Примером успешного проведения информационной операции в блогосфере является освещение событий грузино-югоосетинской войны в августе 2008 г. Уже через несколько часов после начала вооруженного конфликта появилась информация о нападении большой России на маленькую Грузию, подкреплённая фотографиями разрушенного города, плачущих детей и мертвых взрослых. Она мгновенно облетела всю американскую и европейскую блогосферу, и уже буквально через час после грузинской агрессии волна «праведного гнева» обрушилась на представителей российского посольства почти во всех странах мира. Мировое интернет-сообщество в большинстве своем приняло сторону истинного агрессора. Реальные факты вызвали мало доверия и были неэффективны, как, например, то, что на большинстве фотографий представлены не разрушенные русскими грузинские города, а Цхинвал после атаки грузинских войск.

В блогосфере, в отличие от форумов, довольно трудно определить реальных людей, там создается идеальное пространство для разведок и информационных войн. Западные спецслужбы стали формировать блогинговые подразделения несколько лет назад. Информационные операции с использованием блогов проводятся в несколько этапов:

1. Выбор блогосферы. Разведка ведется постоянно на всем интернет-пространстве. При необходимости та или иная тема активизируется и продвигается. Персонажи, придуманные в разведывательных структурах, регулярно отправляют сообщения (пишут посты), но в минуты нападения усиливают свою деятельность.

2. Создание персонажей. При появлении новых площадок или постов придумываются новые персонажи, которые привлекают таких же персонажей с других площадок и ведут за собой «друзей». При необходимости фальсифицируются даты создания блога или поста.

3. Создание имиджа. Посетители и участники блога должны часто видеть темы, необходимые разведчикам, причем в нужном ключе. Например: «Россия ведет агрессивную политику» или «Газопровод России опасен для Европы». Целевая аудитория привыкает видеть в ком-то угрозу. Складывается определенное отношение. Несогласных переубеждают как своими силами, так и силами «друзей».

4. Ретрансляция. Удачные блоги и посты копируются на площадки с похожими блогами и темами. Даются активные ссылки на оригинал обсуждения. Основная цель — увеличение радиуса цитируемости для поисковых машин.

5. Штурмовой блог. Когда подготовка проведена, создается штурмовой блог, на который выкладывается первичная информация, после чего начинается атака.

Приведенные выше методы разведблоггинга решают лишь одну задачу — искажение информационного поля. Для решения других задач применяются иные разновидности блогов. Так, при добывании информации, дезинформации, создании положительного имиджа своей стране, определенному политику или компании используются блоги совершенно разного характера. Все зависит от целей операции и алгоритмов ее выполнения. Четких критериев пока нет, они только разрабатываются. С совершенствованием сети трансформируются и они. На сегодняшний день первенство в сфере блогинговой разведки удерживают США, за ними идут Китай и Великобритания.

Появление нового вида войн — информационных, при которых победа достигается не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики противника, а за счет воздействий на его морально-психологическое состояние, приходится на начало XXI в. Если придерживаться классификации войн с точки зрения смены общественных формаций, то можно представить поколения войн в следующем виде:

- первое поколение — войны времен античных, аграрных и кочевых обществ;
- второе поколение — войны эпохи мануфактурного производства;
- третье поколение — войны ранних индустриальных обществ;
- четвертое поколение — войны развитых индустриальных обществ;
- пятое поколение — локальные конфликты и холодная война ядерной эпохи;

— шестое поколение — неконтактные дистанционные войны с применением высокоточных вооружений³⁹.

В настоящее время мы вступили в эпоху войн седьмого поколения — информационно-сетевых, которые явились следствием следующих факторов:

— развития средств вычислительной техники и коммуникаций, что привело к возрастанию роли информации в жизни человеческого общества, по эффективности своего влияния превзошедшей многие материальные виды ресурсов;

— успехов психологии в области изучения поведения людей и управления их мотивациями, что позволило оказывать заданное воздействие на большие группы людей в нужных направлениях;

— технического прогресса в области разработки нелетальных средств воздействия на людей, которые заменили традиционные виды оружия.

Борьба в информационном пространстве велась во все времена существования человечества, как в военные, так и в мирные периоды, явно, а чаще всего скрытно между государствами в защиту своих интересов, за зоны политического и экономического влияния, источники сырья и рынки сбыта, спорные территории. Она постоянно ведется не только на международной арене, но и внутри каждого государства, в первую очередь за власть, собственность и политическое влияние, возможность манипулировать настроениями и поведением больших масс людей. Контролируя потоки информации, управляя ее предоставлением обществу, можно влиять на общественные процессы. Это является одной из причин ожесточенной борьбы соперничающих группировок за контроль над средствами информации, а значит, над сознанием и поведением населения страны.

Традиционная война против государства, обладающего ядерным оружием, в наше время чрезвычайно опасна. Это может привести к катастрофе, потому что геополитические ресурсы любого государства, такие как сырье, территория, экономика и население, материальны, хорошо осязаемы. Угроза их утраты воспринимается нацией как подрыв основ ее физического выживания. В таких обстоятельствах, при наличии реальной угрозы, нация в течение короткого времени мобилизуется на ее отражение, а инициатор войны становится в общественном мнении агрессором. Поэтому современные политтехнологи, обслуживающие интересы правящих верхушек стран Запада, стремятся перевести агрессию из материального пространства в информационное. Для этого им требуется трансформировать ментальное поле общественно-политической системы, которая стоит на очереди для аннексии. В первую очередь осуществляется переориентация или уничтожение традиционных ценностей народа, чтобы информационная атака воспринималась данным обществом как добровольное желание дальнейшего восхождения по пути прогресса. В данном случае внешняя агрессия в массовом сознании отражается как цивилизационная трансформация архаичного общества другим обществом, стоящим на более высокой ступени развития.

Здесь следует отметить, что технологии сетевых войн были хорошо отработаны уже в годы так называемой холодной войны, как формы тотального разрушения геополитического противника. На рубеже XX—XXI вв. в западном обществе были разработаны многочисленные технологии скрытого разрушительного воздействия, имеющие комплексный характер и в своей совокупности оформившиеся в новый тип войн — информационно-сетевые.

Таким образом, мы можем дать следующее определение информационно-сетевой войны: это подрыв, а затем и разрушение базовых характеристик определенной нации во всех типах ее геополитических пространств⁴⁰, осуществляемое преимущественно в скрытой форме. При этом в зависимости от конкретных задач воздействия на противника, решаемых в данный период времени, та или иная область общественной жизни может становиться приоритетным объектом агрессии. В качестве примеров, относящихся к России, можно отметить разрушение оборонно-промышленного комплекса страны, реформы в армии, образовании, пенсионном обеспечении населения и другие.

Целью информационно-сетевой войны является прочное закрепление большей части стратегически важных ресурсов страны-противника за геополитическим агрессором. При

этом «передача» этих ресурсов агрессору осуществляется элитой страны-жертвы в значительной степени добровольно, поскольку воспринимается ею не как захват, а как путь к восходящему развитию. Это порождает сложность в распознавании технологии и методов информационно-сетевой войны, по сравнению с традиционной войной, а также отсутствие своевременной реакции на действия агрессора, поскольку у жертвы не оказывается никаких мер противодействия этому. В данной ситуации жертва оказывается беззащитной и неготовой дать своевременный и адекватный отпор агрессору. При этом, если результаты «горячих» войн со временем оспариваются и пересматриваются (примерами тому являются Первая и Вторая мировые войны), то результаты информационно-сетевой войны пересмотру не подлежат до тех пор, пока сами акторы-агрессоры не утратят своих позиций в ходе реализации законов мировой геополитической динамики.

Но как именно будут утрачены эти позиции в будущем, в настоящее время не ясно. Сложность данного вопроса состоит в том, что фронт информационно-сетевой войны располагается в ментальном пространстве человеческого общества, в котором уже произошло замещение базовых ценностей нации-жертвы на психологические установки и мифы агрессора. Массовое сознание не может своевременно распознать факт имплантации ментальных вирусов, а политическая и культурная элиты, ставшие объектом информационно-сетевой войны, не имея достаточной квалификации для выявления информационной агрессии и организации адекватного отпора сетевому врагу, обречены на сокрушительное геополитическое поражение.

Фактически в информационно-сетевую войну включаются практически все общественные институты: в первую очередь, средства массовой информации и религиозные организации, учреждения культуры, неправительственные организации, общественные движения, финансируемые из-за рубежа. Даже деятели науки, работающие по зарубежным грантам, вносят свой вклад в разрушение государства. Все они осуществляют так называемую «распределенную атаку», нанося многочисленные, точечные разрушающие воздействия по общественной системе страны под лозунгами «развития демократии» и «соблюдения прав человека». Благодаря современным политтехнологиям и накопленному опыту воздействия на массовое сознание, даже геноцид можно вести без применения газовых камер и массовых расстрелов населения. Достаточно создать условия для сокращения рождаемости и увеличения смертности.

Другой особенностью информационно-сетевых войн является отсутствие жесткой иерархии в сетевой структуре агрессора. Это объясняется ее гетерогенностью, выражающейся в значительной автономности государственных и негосударственных элементов данной структуры, в которой нет ярко выраженных вертикальных связей. Зато имеются многочисленные горизонтальные связи, действие которых нерегулярно. Отсутствие иерархии и регулярности взаимодействия не позволяет четко выявить существование и деятельность такой сетевой структуры.

Так что же движет деятельностью таких сетевых структур? Источником энергии является информация, которая в них циркулирует, а своеобразными запалами — хозяева узловых точек данной сети. Примеры этому — информационные контенты серверов социальных сетей Facebook и Twitter, находящихся под контролем американских спецслужб.

Как сообщила британская газета «Гардиан», в США уже осуществляется пропагандистская работа с использованием Twitter, Facebook и других социальных сетей. Центром управления данной программой является база ВВС США «Макдилл» в штате Флорида. Здесь задействованы 50 операторов, каждый из которых может управлять действиями около 10 агентов влияния, зарегистрированных в различных странах мира и ведущих информационную войну по всем правилам политических технологий разрушения государств. Стоимость данной программы, по оценке британской газеты, оценивается в 2,76 млн долларов. Она предусматривает для каждого из таких бойцов информационной войны наличие убедительной легенды и меры по защите от разоблачения. По словам пресс-секретаря Центрального командования вооруженных сил США Билла Спикса, любое воздействие на американскую

аудиторию запрещено правилами. В связи с этим английский язык не используется: в системе информация представлена только на арабском, урду, пушту, фарси и некоторых других языках в зависимости от тех стран, которые представляют интерес для Вашингтона с точки зрения воздействия на их общественную стабильность.

Выявление и квалификация актов информационной войны является задачей спецслужб каждого государства, заботящегося о своей безопасности. Это тем более важно, что вследствие непрямого характера информационной агрессии она не воспринимается обществом в качестве непосредственной угрозы существованию государства. Поэтому задачей экспертного сообщества и спецслужб является проявление этих угроз с целью информирования руководства страны, которое должно принимать соответствующие меры. Иллюстрацией этому может послужить пример, который был приведен в работе Н. Комлевой. Расследование в Конгрессе США в январе 2002 г. теракта 11 сентября 2001 г. показало, что ключевые должностные лица в американском руководстве проявили бездействие после того, как разведывательные структуры США доложили о существовании угрозы теракта и даже определили время его совершения. Но президент США и его советник по национальной безопасности не квалифицировали представленную информацию как важную и, более того, правдоподобную.

Что касается сферы информационно-сетевого противоборства, то оно охватывает следующие пространства:

- географическое — установление контроля над территорией посредством глобальных (в том числе и космических) информационных и разведывательных систем, поощрение сепаратистских движений и террористической активности в различных формах на территории противника, вовлечение противника в конфликты малой интенсивности, а также организация волнений народных масс и цветных революций;

- экономическое — навязывание противнику кабальных кредитов, введение эмбарго, организация экономических санкций и провокаций;

- идеологическое — использование клеветы, искажение информации, подмена понятий, внесение ментальных вирусов и мифологем в сознание населения противника;

- сетевое — организация хакерских атак и внесение компьютерных вирусов различного рода в вычислительные и коммуникационные системы и базы данных.

Какова бы ни была конечная цель информационно-сетевой борьбы, ближайшей задачей всегда является затруднение доступа людей к достоверной информации. Важность этого момента объясняется тем, что оперативность и качество принимаемых решений на всех уровнях общественной структуры непосредственно зависят от полноты и достоверности представляемой информации.

В информационном противоборстве стороны используют различные методы. К ним можно отнести: сокрытие критически важной информации о положении дел в данной области; погружение ценной информации в массив так называемого «информационного мусора» в соответствии с принципом «спрятать лист в лесу»; подмена понятий или искажение их смысла; отвлечение внимания на малозначимые события; применение понятий, которые на слуху у публики, однако не имеют не только определения, но и значимости; подача негативной информации, которая лучше воспринимается аудиторией по сравнению с позитивными новостями; ссылка на факторы, не имеющие реального смысла, а также на некорректно проведенные социологические и маркетинговые исследования; введение табу на определенные виды информации и новостей, несмотря на их общеизвестность. Делается это с целью недопущения широкого обсуждения критичных для определенных структур вопросов и тем; откровенная ложь с целью недопущения негативной реакции населения и зарубежной общественности; в арсенале информационных войн есть такие средства, как «информационная бомба» и «информационная мина». Первая служит детонатором лавинообразного нарастания процесса в обществе, в то время как вторая закладывается заранее и срабатывает в определенный момент, в ходе процесса для доведения его до логического конца. Примерами «информационных мин» являются «утечки» информации из официальных органов государства или из таких сайтов, как «Викиликс».

Типичным примером применения технологии информационно-сетевой войны являются восстания народных масс в странах Ближнего Востока. И если в случае Туниса и Египта эти технологии не были достаточно проявлены, то в Ливии состоялся «генеральный прогон» войн седьмого поколения. Ливийская «революция» предстала на экранах мировых средств массовой информации как некий симулятор, отфотошопленная «копия без оригинала», ход которой был подан глобальными масс-медиа без всякого соотнесения с действительностью, зато в точном соответствии со сценарием, написанным западными политтехнологами.

Спровоцированные на «революционные» выступления информационными атаками из социальных сетей Facebook и Twitter, арабские общества привели в движение революционное цунами на Ближнем Востоке. Взрыв на «арабской улице» показал, что социальные сети стали своего рода запалом для беспокойной атмосферы Ближнего Востока. Практически во всех странах, вовлеченных в этот водоворот событий, революционный флешмоб был организован посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети, электронную почту и мобильные телефоны. При этом следует учитывать тот факт, что управляющие серверы глобальных электронных сетей Facebook, Twitter, Hotmail, Yahoo и Gmail находятся в США и контролируются американскими спецслужбами, имеющими доступ ко всей циркулирующей в них информации. Это позволяет организовать рассылку сообщений заранее подобранной «клиентуре» — своим агентам влияния в странах арабского Востока, которые по сигналу извне собирают в нужное время и в нужном месте критическую массу людей, используя для этого так называемое сарафанное радио.

Люди «арабской улицы», в большинстве своем ничего не знающие об Интернете, социальных сетях, а зачастую и не имеющие компьютеров и сотовых телефонов, готовы бить витрины, жечь автомашины и бросать камни в полицию, потому что почувствовали возможность расквитаться с властями пререждающими за ту бедность, на которую их обрекли правящие режимы. Службы безопасности подвергшихся информационному вторжению государств оказались бессильны противостоять насилию в новой для них форме организации протестного движения, которое сразу же приобрело лавинообразный, неуправляемый характер. Оказалось, что невозможно было предвидеть начало уличных беспорядков, как и источники рассылки подстрекательских сообщений, а после начала беспорядков отключение доступа в Интернет и мобильной связи уже ничего не дало, так как процесс приобрел характер лесного пожара.

Бессильной здесь оказалась и мировая политическая прогностика, задачей которой является отслеживание и прогнозирование общественных тенденций. Фактически события на Ближнем Востоке высветили несостоятельность современной футурологии как науки о будущем. Причиной этому являются опора на классический детерминизм развития исторических процессов и линейная аппроксимация общественных тенденций. Однако все возрастающая сложность и динамизм современных обществ, появление многочисленных, неявно выраженных связей между общественными структурами, повторение роли субъектов общественного процесса привели к торжеству хаоса на улицах и площадях арабских городов.

Динамика современного мира стала настолько велика, что пока аналитики занимаются оценкой ситуации и разработкой прогноза, сам объект исследования изменяет свою структуру и направление развития. Существующие в нем тенденции меняют свои траектории движения. Появляется «веер сценариев» будущего, которые оказываются полезными только с академической точки зрения. Однако жизнь ставит перед политическими аналитиками другие задачи: от одних требуется выявить тенденции, угрожающие стабильности общества; другим поставлена задача определения путей и подходящих моментов времени для «открытия» заданной общественной системы с целью ее разрушения или деформации. Примером этому является политика гласности М. С. Горбачёва, которая открыла каналы для подрыва основ советского общества, что идеологически обезоружило людей и привело к геополитической катастрофе — развалу СССР.

Другим примером является самосожжение Мухаммеда Буазизи в Тунисе, которое стало бикфордовым шнуром, взорвавшим Ближний Восток. Поэтому следует иметь в виду, что

современный мир взрывоопасно насыщен людьми с крайне негармонизированным мотивационным внутренним миром. «Молодые люмпены», как их называют социологи, — деклассированная масса с непроявленными социальными корнями, без четких нравственных понятий и политических ориентиров. Активность таких элементов социума в повседневной жизни простирается от обычной коммерческой лихорадки до спекуляций на фондовом и валютном рынках, а при нарастании революционной ситуации у них поднимается анти-системный протестный заряд. Он развивается на фоне нереализованных амбиций, как это было и в случае самосожжения М. Буазизи — молодого человека с высшим образованием, вынужденного торговать овощами. Эти люди, находясь в постоянном поиске своего места в жизни, по существу, становятся марионетками, попадая под влияние социальных сетей, настроений уличной толпы или идеологии радикальных движений. И если у таких людей отсутствует внутренний моральный стержень, то невозможно представить, какие мотивы возобладают у них в следующий момент времени.

Это наполняет современную прогностику психологическими и конфессиональными веяниями и придает ей оттенок загадочности и мистицизма, что пытаются использовать некоторые аналитики для поднятия своего имиджа, чему благоприятствует театрализованность событий на улицах городов, приобретающая форму политической драмы с элементами насилия, противостоянием сторон и жертвами участников этого псевдореволюционного действия. Освещающие эти события СМИ и информация в социальных сетях еще более накаляют обстановку массового психоза. Этому способствуют прямые репортажи, снятые на камеры сотовых телефонов неизвестно кем и неизвестно где, сообщения о многочисленных жертвах, павших от рук правительственных сил, но не показанных из якобы гуманных соображений, репортажи из якобы захваченных повстанцами городов, беспорядочная стрельба из зенитных пулеметов для демонстрации обстановки боевых действий, обломки якобы сбитых самолетов правительственной авиации, бомбившей повстанцев, «переход» на сторону народа сына Каддафи, бегство ливийских дипломатов в США и Францию. Однако если внимательно присмотреться, то видно, что в средствах массовой информации разыгрывается виртуальная война, смонтированная и отретушированная на компьютерах и выброшенная в виртуальное пространство в качестве информационной жвачки для обоснования санкций Совета Безопасности ООН.

Если Тунис и Египет были первыми пробами заокеанских режиссеров этого псевдореволюционного спектакля, то Ливия — это первая реальная боевая операция мировой информационно-сетевой войны Запада против неугодных режимов. Если на Балканах, в Афганистане и Ираке Вашингтон использовал все средства и методы глобального передела мира, имевшие целью смену лидеров в тех странах, которые представляют стратегический интерес для США, то сейчас Запад инициирует приведение к власти в странах Ближнего Востока лидеров нового поколения, идущих на смену тем, кто получил образование, воспитание в СССР, — технократов западной формации и западного менталитета, которые призваны упрочить позиции Соединенных Штатов при одновременном вытеснении Китая, ЕС и России из региона Большого Ближнего Востока. Это пример попытки реализации информационно-сетевой стратегии «управляемого хаоса», которая стала новым средством сохранения американского глобального лидерства с минимальными финансовыми затратами.

В этих условиях укреплению обороноспособности нашего государства, консолидации российского социума необходимо придавать первостепенное значение. Лишь сильные вооруженные силы и сплоченное общество Российской Федерации способны эффективно противостоять угрозам и вызовам XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве идеологического прикрытия был востребован девиз древних «хочешь мира — готовься к войне».

² Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 1. М., 2010. С. 425.

³ Философская энциклопедия. В 5-ти т. Т. 1. М., 1960. С. 276.

⁴ *Энгельгардт М. А.* Прогресс как эволюция жестокости. М., 2014.

⁵ *Лиддел Гарт Б.* Стратегия не прямых действий. М., СПб., 2008. С. 10.

⁶ Новая философская энциклопедия. С. 426.

⁷ Этапам развития данного типа войн посвящено исследование: *Слипченко В. И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.

⁸ *Лиддел Гарт Б.* Указ. соч. С. 12.

⁹ *Сунь Цзы.* Искусство стратегии. М., СПб., 2007. С. 82.

¹⁰ См.: Проблемы безопасности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука—XXI». 2008. № 3. Неклассические войны современности.

¹¹ См.: *Гриняев С. Н.* Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск, 2004; *Ларина Е. С., Овчинский В. С.* Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М., 2014; *Роговский Е. А.* Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М., 2014.

¹² См.: *Везерфорд Дж.* История денег: Борьба за деньги от песчаника до киберпространства. М., 2001.

¹³ См.: *Коровин В. М.* Третья мировая сетевая война. СПб., 2014; *Он же.* Главная военная тайна США. Сетевые войны. М., 2009; *Савин Л. В.* Сетевая война. Введение в концепцию. М., 2011, и др.

¹⁴ См.: *Катасонов В. Ю.* Украина: экономика смуты или деньги на крови. М., 2014; *Он же.* Экономическая война против России и сталинская индустриализация. М., 2014; *Стариков Н. В.* Спасение доллара — война. СПб., 2010; *Он же.* Хаос и революции — оружие доллара. СПб., 2011.

¹⁵ См.: *Сондерс Ф. С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013.

¹⁶ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. М., 2007.

¹⁷ *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ Там же.

²¹ См.: *Месснер Е. Э.* Всемирная мятежевойна. М., 2004; *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005.

²² *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 198–199.

²³ *Гришин В. И.* Энергетические войны. М., 2009; *Симонов К. В.* Глобальная энергетическая война. М., 2007.

²⁴ *Энгдаль Ф. У.* Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. Изд. 3-е, пересм. М., 2014.

²⁵ *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2013; *Рар А.* Россия жмет на газ. М., 2008.

²⁶ *Месснер Е. Э.* Нефть — оружие // *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 254–254.

²⁷ *Фурсов А. И.* Мир. Хаос. Порядок. Введение в серию // *Дехийо Л.* Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господства в Европе. М., 2005. С. 7–8.

²⁸ См.: Там же. С. 197–198.

²⁹ *Грачёва Т. В.* Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2008; *Она же.* Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009; *Она же.* Когда власть не от Бога. Рязань, 2010; *Она же.* Память русской души. Рязань, 2011; *Она же.* Последнее искушение России. Рязань, 2013.

³⁰ *Грачёва Т. В.* Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. С. 7.

³¹ См.: Тайна концептуальной власти. М., 2000. С. 14–19.

³² *Кургинян С. Э.* Ода страху. О праве оперировать понятием «оргоружие» // *Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным.* М., 2007. С. 5; также см.: *Овчинский В., Сундиев В.* Организационное оружие (аналитический доклад) // *Изборский клуб.* 2013. № 6. С. 43–59; *Султанов Ш.* Стратегическое мышление и организационное оружие // *Изборский клуб.* 2013. № 6. С. 94–103.

³³ *Черемных К. А., Восканян М. В., Кобяков А. Б.* Анонимная война. М., 2014.

³⁴ См.: *Черняк Е. Б.* Невидимые империи. М., 1987; *Он же.* Пять столетий тайной войны. М., 1972.

³⁵ См.: *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006; *Он же.* Трансформация войны. М., 2005.

³⁶ *Черемных К. А., Восканян М. В., Кобяков А. Б.* Указ. соч.

³⁷ *Cybersecurity.ru.* Пентагон: Китай изготавливает кибероружие и содержит масштабные военные киберподразделения. 2007. 29 мая.

³⁸ *Разведка.* 2010. № 2. С. 62.

³⁹ *Карякин В. В.* Мир вступил в эпоху войн седьмого поколения — информационно-сетевых войн // *Информационные войны.* № 3. 2011.

⁴⁰ *Золотарёв В. А.* Когда нация становится жертвой // *Военно-промышленный курьер.* 2013. 1 мая. № 17 (485).